

Международная Сахаровская конференция – Сессия вторая

24-25 октября 2008 г. в Кембридже (штат Массачусетс) состоялась конференция Гарвардского университета, посвященная 40-й годовщине статьи Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968). Конференция была организована Сахаровской программой по правам человека в Гарвардском Дэвис-Центре, физическим факультетом и Фондом Андрея Сахарова (США).

Сессия вторая¹

-- сахаровская статья 1988 г., «Неизбежность перестройки»
Участники и темы докладов:

Мариэтта Чудакова – «Перестройка СССР в России: роль интеллигенции»

Алексей Панкин – «Российские СМИ вчера и сегодня»

Уильям Таубман – «Неизбежность перестройки»

Уильям Грин Миллер – «Вклад Сахарова в перестройку»

Мариэтта Омаровна Чудакова (*признанный литературовед, опубликовала 300 книг и статей по русской литературе 20 века; возглавляет Фонд Булгакова, состоит в Московском Союзе писателей, член Европейской академии; в 1994-2000 гг. входила в состав Президентского совета и Комиссии по помилованию при Борисе Ельцине*):

Общеизвестно, что важным решением Горбачева, едва ли не определившим успех начатой им перестройки в стране, было решение опереться на интеллигенцию. Первым шагом здесь была гласность – и все более расширявшаяся свобода печати. Этого было с лихвой достаточно, чтобы получить широкую поддержку тех, кто владел пером и устным словом. Именно *слово* жаждущей свободы интеллигенции, бурно заполняя освобождавшиеся СМИ, не дало партийной бюрократии (на *этом* поле она соперничать с интеллигенцией никак не могла) скинуть Горбачева в первые же год-два. Он выиграл время – и вслед затем в общем выиграл перестройку. Выигрыш оказался крупней, чем он рассчитывал. Потратить его правильно он не мог. Но это уже другой вопрос.

¹ Расшифрованный текст слегка отредактирован в целях удобопонятности и ясности.

В эпоху перестройки вступила интеллигенция, которая, при всех различиях, была именно *советской*, то есть исходившей из представления о *вечности* советского строя. Можно сказать, что в этом была ее точка соприкосновения с *советской властью*. (Вот почему, скажем забегая вперед, метафора *оттепели* – слова, которого в этом значении нет ни в английском, ни во французском языках, – оказалась эвристически важной – и неверной – для оценки Перестройки).

Это представление сказалось в самом дискурсе. В текстах, адресованных самой широкой мировой и «самиздатской» отечественной аудитории, одновременно – и правящему слою, с самых первых и ярких опытов – таких, как «Размышления ...» А.Д.Сахарова 1968-го года, необходимая мимикрия нерасчленимо для автора и читателя сплеталась с тем, что было близко к собственным убеждениям автора. Например:

«Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда.»

Эти тексты адресовались власти – с надеждой на ее улучшение. Эти надежды оправдались появлением Горбачева. Но они же задержали понимание того, что эта власть – не реформируема.

В эпоху «оттепели», в которую и формировались «шестидесятники», ставшие главной опорой инициатора перестройки, как известно, очень большой оказалась роль литераторов, публицистов, гуманистов, технарей. Этот период, в отличие от периода до смерти Сталина, необыкновенно сложен для восприятия западными наблюдателями и сегодняшними новыми поколениями. Он труден для изучения. Именно потому, что власть не могла сама предложить ничего конкретного, но хорошо чувствовала номенклатурным инстинктом, чего делать нельзя, она сразу после XX съезда все время совершала множество попятных ходов и действий – нелогичных, но успешно работавших на ее самосохранение. С эпохи «оттепели» началось то новое лицемерие, плоды которого отравили отечественную жизнь на полвека (и – с неожиданной легкостью реанимированные – заново продолжают отравлять сегодня), поскольку были официально заявлены не совмещающиеся с точки зрения здравого смысла вещи: «...Имяются еще коммунисты, которые не понимают или не хотят понять, что культ личности нельзя рассматривать как явление, присущее природе советского общества, что ошибки и недостатки, связанные с его распространением, не изменили и не могли изменить социалистического характера советского строя, генеральной линии нашей партии, ее непоколебимой верности принципам марксизма-ленинизма.» (Письмо ЦК КПСС

ко всем партийным организациям "Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда". 16 июля 1956 г. Строго секретно.)

Появление Горбачева оживило надежды. На многих повеяло второй «оттепелью». Здесь и подстерегала историческая ловушка - ухватившись за ложную аналогию, ею вполне довольствуясь («Куй железо, пока Горбачев!»), они не почувствовали ветра нового исторического периода. Феномен «оттепели», все время подмораживавшейся властью (то есть название оказалось очень точным), оказал огромное влияние на восприятие последующих процессов. Он помешал, например, увидеть в перестройке предвестие и начало новой эпохи. В ней видели все время только еще одну «оттепель» - или временно открывшуюся «щелку».

На связь с минувшей эпохой указывает запись 31 декабря 1986 г. в дневнике А.П.Чудакова: «Последние события вселяют надежды, впервые после 67 года. Целое поколение, возросшее в застойное брежневское время, возмужало с отсутствием каких-либо надежд. Да и наше... Неужто и на наш закат печальный - неужто еще будет что-нибудь вроде 60-х годов?..»

«Последние события» – это возвращение А.Сахарова из ссылки. Именно это событие стало для нас с Чудаковым, как и для других, но далеко не для всех, поворотным в оценке происходящего как начала новой эпохи.

Для многих интеллигентов, сыгравших немалую роль в годы «оттепели», теперь все легло в масть - и лозунг «Больше социализма!», и доверительное сообщение Горбачева, что он ежедневно читает Ленина и никогда не откажется от сделанного его дедом выбора в пользу колхозов. И главное - долгожданная *работа в команде* («прорабы перестройки» - новое именование бывших шестидесятников - так и говорили о себе: «Мы в команде Горбачева»), осуществление их давнего и естественного («в отличие от хлыща») желания «труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком». Казалось - наконец будет доделано не доделанное Хрущевым, и социализм обретет человеческое лицо.

Из поставленных себе когда-то идеологических границ (не далее Ленина и Октября; важность самой по себе идеи справедливости и т.д.) они не могли вырваться после Горбачева - и встали в оппозицию к Ельцину, разрушительную, на мой взгляд, для страны. Причем одни - потому, что он зашел слишком далеко, другие - потому, что он не хотел заходить далеко.

В перестройке участвовало и еще одно поколение интеллигенции, чья зрелость упала на 70-е годы. У него были свои подразделения.

"Три качества не даются в одном наборе - ум, партийность и порядочность" - это афоризм начала 70-х: время **после Праги**. В те годы уже не было ни одного исключения: ни одного вступившего в эти ряды - и не подошедшего под это определение. В 70-е годы ни один действительно думающий человек уже не вступал в партию с наивной надеждой изменить ее изнутри (как в годы «оттепели»). Вступали уже *только* из карьеризма, в том числе и более или менее доброкачественного – из желания делать что-то важное и полезное: так сегодня в областных городах вступают некоторые приличные молодые люди в «Единую Россию» – «Иначе у нас ничего не дадут делать».

Поколение *шестидесятников* в это время из партии как раз исключали – фронтовик Б.Окуджава исключен из партии в 1972-м, Л.Карпинский – в 1975-м. «Оттепель» давно кончилась, но была наработана культурная инерция, и она продолжала действовать. И можно было - вплоть до начала 80-х - неожиданно столкнуться с неким явлением сопротивления по какому-либо конкретному поводу, за которым явственно вставали очертания поколения *шестидесятников*. В поколение интеллигенции 70-х входили и те, для которых *любое* сотрудничество с властью – сюда относилась и работа по профессии – было исключено. Это был достаточно обширный слой тех, кто пошли работать истопниками и лифтерами. Теперь, в перестройку их гуманитарные знания оказались востребованными – они потихоньку вылезали из ниш, задумываясь над изданием В.В.Розанова...

И в это же самое время другая часть недавних аутсайдеров, а сейчас готовившихся завоевать кафедры американских университетов (что, заметим, заслуженно удалось), вопрошала (реальный разговор 1990 года с молодыми коллегами):

- Неужели Вам не страшно, Мариэтта, когда со страниц «Нового мира» на головы двух миллионов подписчиков обрушивается поток произведений Сергея Николаевича Булгакова?

- И неизвестно, - подхватил другой, без обычной иронии, а с мрачной серьезностью, - на что способен, на какое действие подвигнут будет человек, начитавшийся С.Булгакова?

Таков был отчужденный (говорю безоценочно) взгляд отечественного рафинированного, многознающего (сумевшего своевременно прочитать С.Булгакова) интеллектуала на тех массовидных его сограждан, вместе с которыми он, казалось бы, должен был на очень сильно уже расчищенном от советского мусора поле начать строить гражданское общество.

В 1987-1990-м годах была проделана колоссального объема работа ознакомления массового (многомиллионного) читателя с историей Гулага и с подлинной ролью Сталина в истории России XX века. (Не забудем, что все брежневские годы над всем этим висела завеса молчания – поколение Путина воспитывалось не на «Одном дне Ивана Денисовича», а на романе Кожевникова «Щит и меч», фильм по которому привел девятиклассника, по его признанию, на порог КГБ – наниматься в чекисты). Ее качество и размах – и роль в этом интеллигенции - трудно переоценить.

Однако через 10 лет выяснилась, что работа эта была недостаточной. И страна легко приняла сталинский гимн в качестве государственного, и 50 с лишним процентов граждан стали определять Сталина как положительную фигуру XX века. В чем же было дело?

Возможно, не в последнюю очередь в том, что советская интеллигенция была обескровлена разрывом со своим прошлым, с мощной философской традицией – и с западной гуманитарной мыслью. Эта обескровленность окрашивала всю ее деятельность – вплоть до по меньшей мере середины эпохи Ельцина. И в ее философствовании эпохи перестройки на темы истории России сказалось отсутствие духовного фундамента необходимой глубины. Потребность же людей в этой глубине эффективно использовали имитаторы евразийского, квазимасонского и иного толка, чьи книги вот уже лет десять как заполняют российские книжные прилавки.

Можно ли видеть в сегодняшней реанимации в России Сталина (а также и советской эпохи в целом) *вину* самой интеллигенции? В немалой степени – да. Внимание специалиста к статье другого специалиста обеспечено научным рейтингом. Взаимоотношения публицистов с публикой, пишущих – с читающими целиком строятся на *доверии*. В 1990-е годы оно в значительной степени оказалось подорвано. Чем же? Дело в том, что за резким переходом от одних (до 1985 года) статей к другим не ощущалось какого-либо душевного усилия субъектов этого перехода, вершковой хотя бы глубины душевной драмы.

Доверие - совсем не эфемерная, не абстрактная, а очень реальная вещь. Это одна из важных политических (и даже экономических) категорий, одна из основных социальных скреп. Доверие к одному банку, а не к другому; доверие к данному издательству - оно известно своей солидностью, не схалтурит, не издаст книгу ниже определенного уровня; доверие к государственному деятелю, правительству. Трудно верить автору, в серьезности личного душевного и духовного опыта которого сомневаешься. Человек, не продумавший беспощадно свой собственный

путь, вряд ли может предложить продуктивный вариант пути огромной страны. И это не просто моральная невозможность (не хотелось бы морализировать), а, пожалуй, интеллектуальная. Добросовестная саморефлексия сама собой приблизила бы пишущих к формированию общественной идеологии - долгу интеллигенции. Она, эта рефлексия, не отняла бы волю к действию (вопреки расхожему мнению), а, напротив, дала бы наконец уверенность в себе (которая оказалась разрушенной тотальной закомплексованностью) и, как следствие, - *силу*. Интеллигенция и шестидесятых, и семидесятых предстала перед своим многомиллионным читателем в странном состоянии - все они будто родились в 85-м году. У всех эксплицитные биографии начинались в горбачевские годы. А что они делали на своих партийных и комсомольских постах (делали, надо сказать, немало хорошего) постах – все это было стерто, как школьником плохая отметка из классного журнала. Отсюда – и появление злобного ярлыка «*перевертыши*». В годы общественного подъема на это не обращали внимания. В 1991-1992 гг., когда начались неминуемые (увы – роковым образом задержанные Горбачевым) и неминуемо болезненные (во многом – и благодаря этой задержке) экономические реформы – обратили. И замалчивание этапов своей биографии, в том числе духовной, сыграло очень печальную роль, подорвав доверие большинства населения к огромному и важному в нашей жизни слою.

Далее – вплоть до наших дней – недоверие усиливалось и закреплялось. То, что не подвергнуто осмыслению, не становится опытом – остается происшествием. Множились на страницах книг, издававшихся в конце 80-х – начале 90-х, ужасные факты отечественной истории XX века. Но расплзался, таял опыт жизни множества людей, составлявших партию. Между тем для многих пребывание в партии было двусмысленным с самого начала. А для тех, кто вступал после середины 60-х, - пожалуй, в большинстве случаев (говорю, конечно, о тех, для кого осознание своих действий - привычное занятие). В конце 80-х (вплоть до августа 1991 года) они освободились от своих партбилетов с облегчением - и постарались поскорее их забыть: в доме повешенного не говорят о веревке. Но этим молчанием добавили двусмысленности в нашу общественную атмосферу.

Давление *биографии* обесценивало в глазах общества начала 90-х этот слой. Биография во всем ее объеме, включая погибших в пучине Террора родителей, оказавшихся после XX съезда «хорошими», «честными коммунистами», - то, что давало их детям в условиях советской власти возможность какое-то время действовать и, когда их откуда-либо выгоняли, - все-таки оставаться в обойме, номенклатурой ЦК, - теперь говорила против них. Потому что это рассматривалось как криводушие: «Что ж вы ругаете партию - вы же сами были на этих партийных, номенклатурных постах!» И они никогда не рассказали внятно о

том, что в пройденном ими сложном духовном пути была своя высота. (То, что с таким подлинным блеском сделал А.Д.).

Но ведь были и профессиональные правозащитники? И диссиденты?.. Какова была их роль и их место?

Здесь возобладало недоумение – «А почему они не возвращаются?» Было достаточно известно из истории – а также из современной жизни стран Центральной Европы, бывших сателлитов СССР, – что политические эмигранты обычно возвращаются в возрождающуюся страну. У нас этого не произошло – и это тоже сыграло свою печальную роль. Мало того – многие замечательные люди именно на излете Перестройки страну покидали. И тогда все громче стала звучать утверждение – «Так им была нужна не свобода, а только *свобода выезда!*» Неразвитое политическое сознание населения страны в соединении с тяжелейшими экономическими обстоятельствами людей оказалось не в состоянии усвоить представление А.Д.Сахарова о свободе выезда из страны как важнейшем условии демократии.

Когда-то М.Булгаков первое свое печатное выступление (1919 г.) закончил словами: «мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

- Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»

Он думал, правда, что платить придется, даже если его Белая армия выиграет Гражданскую войну. Но она ее проиграла, плата возросла очень сильно, и на уразумение того, за что же мы именно платим, у российской общественности ушли десятилетия - с 1956-го до 1990-х. Это тугодумие отозвалось новой путаницей. Оказалось, что необходимое понимание *истоков* происшедшего (роль Февраля и Октября 1917 г.) замутило головы и заслонило специфичность сталинского периода - этого особого классически тоталитарного тридцатилетия. В общем, додумались, наконец, до Ленина - полюбили заново Сталина. Вот именно хвост вытащим - так клюв увязнет. Немало и тех, кто по-советски почитает обоих, потому что – «а ваши новые-то разве лучше?!»

Наш электорат (бывший народ) в советское время, то есть на протяжении десятков лет, по-своему верил написанному (в первую очередь в газетах, но и в книжках, конечно, тоже). В постсоветское время произошла двухступенчатая метаморфоза. Сначала недавний советский человек узнал, что советские газеты его обманывали, и был ошарашен - то есть поверил «новым» газетам, что «старые» ему лгали. Но затем постепенно перестал верить и «новым» газетам – поскольку разуверился, как

мы пытались показать, в «прорабах перестройки». И теперь думает, что именно они ему лгали про советское время, а оно было хорошее.

Слой интеллигенции оставался в обновляющейся России какое-то время важным. Хотя бы тем, что ему близки и понятны представления о *чести, общественной репутации, любви к стране как любви к свободной стране*. Да - мысль о необходимости общественной репутации, о том, что ты должен быть честным человеком, не брать взяток, твоя репутация должна быть незапятнанной. - то самое, что сейчас у слишком многих в России может вызвать только смех.

Интеллигенцию задавило в глазах российского общества и вымывание из общественной жизни вышеперечисленных понятий как общезначимых ценностей, а также и то, что лучшие публицисты стали неосмотрительно и главным образом преждевременно для нашей отечественной жизни выдвигать вперед понятие *частной жизни* как превалирующей над общественным импульсом. Да, этот импульс в советское время среди прочего заставлял иногда спасать старый трактор, рискуя своей жизнью, - мы помним, как это официально поощрялось: «общественное выше личного». Но в постсоветское время было поставлено под знак отрицания любое подвижничество. Такая тотальная смена этических ценностей, поддержанная вполне либеральными публицистами, была, я уверена, глубокой ошибкой.

Конечно, необходимо было настаивать на ценности частной жизни и вообще «отдельно взятой» человеческой жизни, которая в нашей стране по-прежнему не имеет никакой цены, утверждать, что не надо за так дарить ее государству, не бросаться спасать трактор ценой своей жизни. и прочее. Но без подвижничества, без мысли об обществе, без идеи патриотизма тоже мало что получится. В этом смысле слова президента Кеннеди, высеченные в США на каменных оградах общественных парков, мне весьма близки.

Сегодня – в самое последнее время – все эти совершенно необходимые для полноценного развития нации представления и ценности, на мой взгляд, в России потихоньку оживают.

Ричард Уилсон

Нашу дискуссию продолжит Алексей Панкин. Д-р Панкин защитил диссертацию по истории в Московском институте международных отношений. В 1980-е гг. он работал в Институте США и Канады Академии наук СССР и активно участвовал в обсуждении проблем, связанных с перестройкой. Его выступление будет посвящено российским масс-медиа.

Алексей Панкин (окончил Московский институт международных отношений, с 1979 по 1988 г. работал в Институте США и Канады; руководил программами АМР США и Института «Открытое общество» по развитию масс-медиа; часто публикуется в российской и международной печати):

Большое спасибо. Начну с воспоминания личного свойства. Когда Горбачев пришел к власти, я работал в Институте США и Канады у Георгия Арбатова. Этот институт стал одним из важных и влиятельных мозговых центров горбачевских реформ. Я попал в небольшую, более-менее по случаю созданную группу, перед которой стояла задача улучшить международный имидж Советского Союза. Участникам нашей группы было по 25-35 лет; в нее входил Игорь Малашенко, будущий основатель первого частного общероссийского телеканала НТВ; Андрей Кортунов, ныне президент Фонда «Новая Евразия»; и Андрей Мельвиль, в настоящее время заместитель ректора МГИМО. Мы писали докладные записки в ЦК с предложениями о том, как улучшить имидж СССР. Сперва мы подавали их Арбатову, который их редактировал, иногда существенно, иногда незначительно; от него они пересылались напрямую Горбачеву. Я горжусь тем, что во многом «новое мышление», впоследствии взятое на вооружение Горбачевым, зародилось в наших записках Центральному комитету.

В конце 1985 или начале 1986 г., в подготовленной нами записке о мерах по дальнейшему улучшению имиджа СССР третьим или четвертым пунктом – не в самом начале, чтобы не напугать читателей, но и не в конце, потому что мало кто дочитывает текст до конца, – шло предложение освободить академика Сахарова из его ссылки в Горьком. Мне известно, что эта записка подверглась лишь незначительному редактированию и что она попала в руки Горбачеву.

Несколько месяцев спустя Сахаров был освобожден из ссылки. Я не утверждаю, что это было напрямую связано с нашей докладной запиской, поскольку действовало также сильное давление со стороны Запада, и в коридорах власти обсуждался вопрос о том, освободить ли Сахарова и как это лучше сделать и т.д. И все же, думаю, мы были первыми среди представителей советского истеблишмента, кто внес предложение освободить Сахарова в письменной форме, подходящим для этого бюрократическим языком. Нужно понимать, что вопрос, который ставится в письменной форме, в такой формулировке, которая понятна начальству, официально становится предметом для обсуждения. Мы безусловно были первыми среди советского истеблишмента, изложившими эту идею адекватным и доступным бюрократическим языком.

Это подводит меня к теме моего выступления - о статье Андрея Сахарова «Неизбежность перестройки». Следует понимать, что нас разделяла вечность. Он

находился в ссылке, его преследовали, он прошел через несколько голодовок, он был по сути дела «врагом народа». Мы же, несомненно, были частью советского истеблишмента, элиты, поскольку любой, кто работал в Институте США и Канады и был допущен к написанию докладных записок в ЦК, входил в элиту. Несмотря на это колоссальное различие в статусе, наши взгляды были очень похожи на взгляды Сахарова. И хочу Вас заверить в том, что мы не были евреями. Когда нам приходилось работать над нашими докладными записками, мы думали не только о том, как организовать хороший пиар для Советского Союза, но также и о том, что это давало нам шанс на какое-нибудь доброе дело. И поскольку у нас была такая возможность, мы все ощущали некую моральную обязанность что-нибудь сделать для Сахарова, который, конечно же, был для всех нас источником нравственного авторитета. И то обстоятельство, что Сахаров и наша группа – как два противоположных полюса советского общества – мыслили и действовали более или менее одинаково, служит наилучшим подтверждением мысли, заложенной в название сахаровской статьи «Неизбежность перестройки». Оно означает, что и Сахаров желал перестройки, и Горбачев желал перестройки, и мы желали перестройки, и все мыслили в одном и том же ключе.

Теперь о самой статье. Она была опубликована в сборнике «Иного не дано». Скорее всего, он у меня еще где-то лежит, даже с дарственной надписью от одного из самых ярких его авторов, Дмитрия Фурмана. Готовясь к этому выступлению, я перечитал не только статью Андрея Сахарова, но и другие статьи из этой книги. И был поражен – быть может, с расстояния прожитых с тех пор лет – тем, насколько статья Сахарова, как и статьи Татьяны Заславской, Дмитрия Фурмана и, быть может, еще один или два материала выделяются среди других статей этого сборника.

Статья Андрея Сахарова очень по существу, очень конкретна, очень четко организована. Ее содержание по сути сводится к следующему: вот что, по моему мнению, должно быть на повестке дня развития страны; вот что нужно сделать для ее реализации; и *вот каким образом* это нужно сделать. Иными словами, это очень практическая статья, на основе которой можно вести дискуссию с теми, кто занимается воплощением политики в жизнь.

Большинство других статей по сути лишены практического содержания. Они состоят из абстрактных жалоб на то, как сурова и несправедлива действительность, и как тяжело нам нужно потрудиться, чтобы прийти к демократии, потому что демократия решит все наши проблемы. Отдельные статьи написаны блестяще с точки зрения стиля, другие скучны, но все они сводятся к жалобам и лишены практических предложений.

Полагаю, что сахаровская статья стала водоразделом между двумя периодами в развитии «гласности». На протяжении предшествовавшего ей периода главным было утверждение права на свободу самовыражения. К 1988 или к началу 1989 г. эта задача была реализована. Но когда свобода самовыражения достигнута, возникает потребность в содержательности того, что можно свободно выразить. И в тот момент выяснилось, что мало у кого было что выразить, за исключением жалоб общего характера. Остро ощущалось отсутствие практических предложений, не только на «демократическом», но и на «реакционном» фланге. В последние годы перестройки, которые должны были бы стать периодом практических решений, стороны были заняты лишь тем, чтобы перекричать друг друга. Демократы обвиняли реакционеров в наступлении на свободы, а реакционеры или коммунисты обвиняли демократов в наступлении на социализм. Но все это было лишь подменой серьезного анализа или реального действия. Людям, которые ничего не делали и не знали, что делать, все равно приходилось что-то делать, вот они и тратили свое время на то, чтобы перекричать друг друга.

Это отражалось и в прессе. В то время я работал заместителем главного редактора «Международной жизни» (англоязычная версия этого журнала называлась *International Affairs*). Это было любимое детище Шеварднадзе (я даже проходил у него собеседование, когда устраивался на эту работу). Задачей журнала было привнесение гласности во внешнюю политику и международные отношения. Я также входил в неформальную группу людей, формировавших политику очень популярного в то время журнала «Век XX и мир».

Я очень хорошо помню, как с конца 1985 по 1988 г. тираж обоих журналов стремительно рос. В 1989 г. он достиг своего пика, а в 90-е годы резко упал. Это отражает то, о чем я уже говорил: в какой-то момент люди начали привыкать к свободе слова, и у них возникла потребность в содержании – а ввиду того, что содержание отсутствовало, они стали очевидным образом утрачивать доверие к прессе.

Поскольку, меня просили сказать пару слов о положении в СМИ как в эпоху перестройки, так и в наше время, я по мере возможности освещу происходившие в средствах массовой информации процессы в нескольких обобщающих фразах.

Гласность горбачевского периода, по-видимому, следует определить как антикоммунистическую революцию, осуществленную при финансовой поддержке коммунистической власти. И в самом деле, пресса располагала абсолютной свободой, при этом не имея необходимости задумываться о том, как зарабатывать

деньги. Все СМИ финансировались из госбюджета и пользовались всеми благами плановой экономики.

Последовавший за этим ельцинский период я бы назвал эпохой «олигархического плюрализма». Мне думается, что этот период лучше всего описал Егор Яковлев, легендарный редактор еженедельника «Московские новости», как-то сказавший о себе и своей политике следующее: «В годы перестройки мы все защищали и пропагандировали ценности рыночной экономики. Но мы и понятия не имели о том, что значит рыночная экономика и в особенности что она значит для нас самих.» По сути это означало, что внезапно, в ночь с 1991 на 1992 г., масс-медиа остались без какого бы то ни было финансирования – денег на этом рынке не было. И даже если их можно было достать, никто не знал, как их заработать и как распределять бюджет – ведь издательское дело это бизнес, и он требует определенных навыков. Когда за один день страна перешла от плановой экономики, финансировавшейся властями, к экономике рыночной, угроза разорения стала практически неизбежной. Так что в тот период наши главреды занимались тем, что использовали свои наработанные в советское время методы для получения денег из разного рода источников, в основном у олигархов. Оглядываясь на период с 1991 по 1993 г., когда шла борьба между демократическим президентом и «красно-коричневым» Верховным Советом, можно увидеть, что позиции СМИ жестко определялись тем, откуда они получали свое финансирование. Те, кого финансировал Верховный Совет, поддерживали Верховный Совет, а те, кто получал деньги из президентских источников были полностью за демократов и клеймили их противников.

Поэтому я считаю, что драматизм этого конфликта в значительной степени объясняется борьбой средств массовой информации за источники финансирования. Позднее СМИ было попросту раскуплены олигархами, и пресса стала тесно связана с позициями, которые занимал тот или иной олигарх. Олигархам хотелось денег из госбюджета, поэтому пресса агитировала за такую политику, которая давала бы им возможность приватизировать собственность на благоприятных для них условиях и т.д. и т.п.

Затем наступил следующий период, период правления Путина, который я называю «прелюдией к независимости». Почему прелюдией? По двум причинам. Во-первых, вскоре после финансового кризиса 1998 г. наступил экономический бум и бум на рынке рекламы. Рынок рекламы рос со скоростью 20 процентов в год, что создавало отличные условия для прессы, имевшей доступ к значительным средствам на этом рынке. Таким образом прессе не приходилось идти и кланчить денег – она наконец-то получила возможность их зарабатывать. Экономический

бум дал средствам массовой информации возможность наконец-то как следует структурироваться и обрести прозрачность. Этому способствовало то, что Путин, в отличие от Ельцина, требовал от бизнеса уплаты налогов. А как только вы начинаете платить налоги, ваш бизнес становится прозрачным, а как только это происходит, он приобретает нормальные формы. Так что в первую очередь экономический подъем создал условия для того, чтобы превратить масс-медиа в здоровый, ответственный, ориентированный на потребителя бизнес.

Другая сторона дела состояла в изменении коммуникативного контекста средств массовой информации. Ожидается, что к концу 2009 г. в России будет больше пользователей интернета, чем в Германии – не на душу населения, а по общему числу, – так что проникновение интернета в Россию состоялось, и это создает совершенно иной коммуникативный контекст, предоставляющий огромную свободу выбора. Кроме того, телекоммуникации – одна из наиболее быстро растущих отраслей российской экономики, так что к настоящему времени во всех больших городах есть множество – сотни – кабельных каналов, которые бомбардируют потребителя всякого рода информацией.

Таким образом на сегодняшний день есть все предпосылки для того, чтобы масс-медиа стали наконец независимыми. Но, с другой стороны, действует параноидальное желание нынешней власти жестко контролировать СМИ, особенно телевидение. Вместе с тем, чиновники правительства также осознают связанные с этим проблемы: телевидение просто теряет своего зрителя. Тех, кто управляет нашим телевидением, не волнует ничего, кроме новостных программ, а эти программы настолько тенденциозны, что образованные люди, способные критически мыслить, перестали их смотреть и переключились на интернет и кабельное телевидение. Это создает ощутимый, практический стимул для того, чтобы задуматься над тем, какова должна быть политика в отношении телевидения.

Кажется, я осветил развитие российских масс-медиа от перестройки до настоящего времени всего за 15 минут.

Ричард Уилсон

А сейчас выступит Уильям Таубман и расскажет нам о перестройке: была ли она неизбежной?

Уильям Таубман (*профессор политологии Эмхерст-колледжа; избран президентом Американской ассоциации по развитию изучения славянского мира на 2009 г.; автор биографии Хрущева, Khrushchev: The Man and His Era (Norton, 2003), завоевавшей Пулитцеровскую премию, и ряда других книг о Советском Союзе; в настоящее время работает над биографией Михаила Горбачева*):

Я имею честь выступать перед вами главным образом потому, что пишу биографию Горбачева. Но хочу сказать, что несмотря на это и хоть я и прочитал множество материалов обо всей его жизни и карьере, чтобы выяснить, как построить книгу, пока что написанные мной главы охватывают материал с его рождения в 1931 г. лишь до 1978 г. А подробным изучением материалов я занимаюсь по ходу писания глав. Поэтому я не вполне готов к тому, чтобы обсуждать Горбачева или перестройку и особенно к тому, чтобы говорить об отношениях Горбачева с Сахаровым, не говоря уж о самом Сахарове.

В этой связи я решил идти от названия нашей сессии – «Статья Андрея Сахарова 1988 г. «Неизбежность перестройки»: конец СССР и становление России». Моя главная цель состоит в том, чтобы указать на некий, с моей точки зрения, парадокс или иронию, которая содержится в этом противопоставлении двух составляющих данного заголовка.

Выдвину тезис для возможной последующей дискуссии: самой убежденностью в неизбежности перестройки частично объясняются некоторые из ее главных трудностей. Дело в том, что эта убежденность, возможно, ослабила внимание Сахарова и Горбачева к тому, насколько сложно, а, быть может, и невозможно было добиться успеха в осуществлении перестройки.

Прежде чем развивать этот тезис, хочу отметить, что в его пользу говорит дата, стоящая под сахаровской статьей: 25 марта 1988 г. Я вернусь к ней в конце своего выступления и скажу о том, что эта дата почти совпала с ключевым поворотным моментом в истории перестройки, с которого началось ее скольжение вниз – несмотря на то, что некоторые очень позитивные события, некоторые очень вдохновляющие надежды еще имели место и после этой даты.

Остановимся на фразе «неизбежность перестройки». В ней содержится два слова, над которыми необходимо задуматься: это «неизбежность» и «перестройка». Что мы имеем в виду под перестройкой – реформаторские цели, с которыми Горбачев приступил к работе в 1985 г.? Или же мы также имеем в виду ту трансформацию, которая зашла существенно дальше первоначальных реформ, проводившихся под его руководством до распада Советского Союза?

Но более любопытным мне представлялся понятие неизбежности: думаю, что в данном контексте оно может иметь несколько значений. Первое – это то, что попытка перестройки должна была быть предпринята. Второе – это то, что она должна была увенчаться успехом. И третье – что она должна была быть предпринята и имела хорошие шансы на успех, но он не был ей гарантирован.

Я не вполне уверен, какой смысл вкладывал в это выражение Сахаров – и пока еще даже не знаю, что имел в виду Горбачев. Но с расстояния пройденного времени полагаю, что все три эти значения, возможно, следует поставить под вопрос. Я говорю «с расстояния пройденного времени» потому, что в то время давать им оценку было гораздо труднее. Была ли попытка перестройки «неизбежной»? Я так не думаю. Если бы на Горбачева в 1978 г. в Ставрополе наехал грузовик, не думаю, что кто-либо попытался бы провести перестройку в той форме, в которой это позднее произошло. В его окружении в руководстве страны были и другие люди, желавшие какого-то рода реформ, но никто не был готов идти так далеко и так быстро, кроме, может быть, Яковлева и Шеварднадзе – а они были в его окружении только потому, что он их туда привел.

Была ли она обречена на успех? Для ответа на этот вопрос нам нужно было бы определить, в чем состоит «успех», а это значит вернуться к вопросу о том, имеем ли мы в виду успех реформ или более глубокой трансформации. Но сама идея «обреченности на успех» представляется чрезмерно оптимистичной.

Была ли неизбежной попытка перестройки с хорошими шансами на ее конечный успех? Даже и в этом я не вполне уверен с расстояния пройденного. На самом деле с этой дистанции мне ближе всего вот такая формула: попытка перестройки *не* была неизбежной – что было неизбежным, так это очень серьезные трудности, на которые ей предстояло напороться, если она таки будет предпринята. Это звучит довольно драматично, и, возможно, вы не согласитесь со мной, и может быть, я также не соглашусь с самим собой после некоторого размышления – но, по крайней мере, это дает нам некую основу для дискуссии.

Скажу сперва о сахаровском понимании неизбежности перестройки, а затем о горбачевском. На самом деле, я не так много знаю о Сахарове, чтобы давать характеристики его мышлению сверх того, что я могу сказать о статье, которую я читал, готовясь к этому выступлению. Судя по статье «Неизбежность перестройки», Сахаров был и в самом деле преисполнен очень большими надеждами, чрезмерными надеждами на лучшее. К этому выводу я пришел на основе двух моментов в тексте статьи. Первый – это его подход к рассмотрению прошлого, т.е. сталинизма и его природы. В его статье можно найти утверждения о том, что

Сталин «олицетворял» новую общественную силу – бюрократию, и далее: «Фактически в тот период сформировалась единоличная диктатура, усугубленная жестокостью и другими общеизвестными качествами Сталина. Но "мандат" на власть он получил от бюрократии...». В другом месте Сахаров пишет об «эпохе» власти бюрократии.

Я только что беседовал с Джошуа Рубенстином, который пишет биографию Троцкого. Я хотел услышать его реакцию на мысль о том, что сахаровское понимание данного вопроса было в чем-то похоже на анализ сталинизма Троцким, который также зашел слишком далеко, сведя сталинизм к бюрократии. Сталинизм был гораздо более – и, в то же время, менее – масштабным явлением. Он был во многом связан с характером Сталина. И одновременно, если разобраться в его истоках и в том, как он функционировал, он был связан с восприимчивостью России как к ленинскому типу насильственной революции, так и к сталинскому типу власти. Можно сказать, пускай и с некоторым весьма значительным упрощением, что именно эта восприимчивость стала источником трудностей для перестройки, когда Горбачев и его товарищи предприняли попытку перемен.

Другой момент, поразивший меня при чтении сахаровской статьи, это то место, где он говорит о своих ожиданиях в связи с перестройкой: «...гласность должна создать в стране новый нравственный климат!» И далее, о социальной справедливости: «неизбежно упорядочивание системы цен в соответствии с экономическими законами, в частности повышение цен на продукты питания... Необходимо создать экономические и юридические условия, при которых выгодна инициатива, гибкое реагирование» и т.д. и т.п. «В законе о кооперации и Уставе колхоза необходимо предусмотреть право беспрепятственного выхода каждого члена, с соответствующей компенсацией за вложенный труд.» С расстояния пройденного времени не думается, что все эти предложения, сколь бы желательными они ни представлялись, были «обречены на успех».

Каково же было горбачевское понимание неизбежности? У меня уже нет времени на то, чтобы говорить о его целях, об ограниченности его видения, стратегии и тактики, о потенциале и препятствиях, связанных с его подходом. Анализ этих вопросов усложняется еще и тем, что его понимание менялось во времени. Вместе с тем, думаю, что у него было много общего с Сахаровым. Горбачев пришел к мысли о необходимости многих из тех реформ, которые поддерживал Сахаров, хотя в начале перестройки он, может быть, и думал иначе.

Полагаю, что существенное расхождение между ними – некоторые из вас, возможно, со мной не согласятся – было связано с темпом и тактикой перемен.

Горбачев хотел двигаться более постепенно, отчасти для того, чтобы избежать участи Хрущева, который в конце концов был отстранен от власти противниками реформ. Мне очень хотелось бы знать, была ли у Горбачева и Сахарова когда-либо возможность откровенно обсудить разногласия между ними в стратегии и тактике действий. Если такое обсуждение имело место, могу себе представить, что Горбачев утверждал, что его позиция была более реалистичной, с точки зрения учета препятствий на пути перестройки, которыми вызывалась необходимость постепенных действий. Но в конечном счете Горбачев также оказался не вполне реалистичным.

Напоследок вернусь к дате сахаровской статьи – 25 марта 1988 г. 13 марта того же года в «Советской России» была опубликована знаменитая статья Нины Андреевой, «Не могу поступиться принципами», в которой перестройка подвергалась критике. Согласно дневнику Анатолия Черняева, 24-25 марта состоялось заседание политбюро ЦК, на котором произошел жестко критический разбор содержания статьи Нины Андреевой и вопроса о том, кто отвечал или не отвечал за то, что там было написано.

Я вижу в этом поворотный момент в истории перестройки. Ей еще предстояло немало ярких моментов. Огромные надежды были связаны с XIX партконференцией (1988 г.) и Съездом народных депутатов (1989 г.) Но, оглядываясь назад, думаю, правомерно считать, что эпизод с андреевской статьей был первым проявлением того сопротивления перестройке, которое в конечном счете привело к августовскому путчу 1991 г. А этот путч и его провал напрямую повлекли за собой окончательный распад СССР, чего Горбачев, конечно же, не хотел и, как нам уже сообщалось, Сахаров также, возможно, не захотел бы.

Ричард Уилсон

Премного благодарю. Позволю себе напомнить, что в ходе «Форума за безъядерный мир, за выживание человечества» в 1987 г. каждый выступающий был ограничен пятиминутными рамками. Андрей Сахаров выступал на этом форуме трижды. Свое второе выступление он посвятил тому, почему ни одной из сторон не следует создавать противоракетную систему, и я в своем выступлении подхватил его тему.

Позвольте представить вам Билла Миллера, в прошлом карьерного дипломата, который также определенное время проработал в Конгрессе. Я познакомился с ним в 1991 г., когда в составе группы мы ездили на Кавказ в попытке разобраться с происходившим в Нагорном Карабахе. После этого я встречался с ним на Украине, когда он был там послом. Он также участвовал и продолжает участвовать в

попытках достичь взаимопонимания с Ираном, что является в данное время приоритетным вопросом.

Посол Миллер расскажет нам о советско-американских отношениях с 1985 по 1993 годы и о том, какое воздействие на них оказал Сахаров.

Уильям Грин Миллер (*Чрезвычайный и полномочный посол Миллер провел 14 лет в Конгрессе США, где он руководил штатом трех сенатских комитетов, в том числе комитета по вопросам разведки; был президентом Американского комитета по советско-американским отношениям (1986-1992), послом на Украине (1993-98), а в настоящее время работает в Международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне*):

С вашего позволения, я несколько отклонюсь от этой темы. У каждой эпохи есть свои герои. Конечно же, Андрей Дмитриевич Сахаров был и остается героем нашего времени. Его действия, его смелость, его принципиальная деятельность несмотря на самое устрашающее противодействие служат примером всем нам.

Многие из здесь присутствующих были с ним знакомы. Некоторые были его очень близкими товарищами по борьбе: Юрий Орлов, Павел Литвинов, многие другие. Для них, для всех нас, в частности, и для меня, его пример воплощает самые лучшие качества человеческого духа. Так что я рад такой возможности поразмыслить над огромной значимостью сделанного им для нынешнего и будущих поколений.

Я впервые узнал о Сахарове из «Нью-Йорк таймс», 22 июля 1968 г. В газете была крупным планом изображена гигантская ракета, кажется, СС-9, и в ней же было представлено всему миру это совершенно необычайное достижение человеческого ума – замечательная статья Сахарова о прогрессе, сосуществовании и интеллектуальной свободе, опубликованная Гаррисоном Солсбери.

В то время я работал штатным помощником в сенатском комитете по международным делам. Я работал у Джона Шермана Купера, одного из старших по парламентскому стажу и глубоко уважаемых членов Сената, лидерами которого в то время были Майк Мансфилд, Уильям Фулбрайт, члены семьи Кеннеди, Стюарт Сайминтон, Джейкоб Джейвитс, Чарлз Перси, Мак Матиас, Фрэнк Черч, Джордж Айкен – многие из этих имен вам памятли.

В тот период предпринимались попытки ограничить противоракетные установки и прекратить гонку вооружений. В их основе лежало убеждение в том, что существующие и возможные в будущем технологические возможности не дадут

преимущества ни одной из сторон в Холодной войне, разделенных между собой железным занавесом.

Американские ученые, многие из которых присутствуют сегодня здесь с нами, – я вижу в первом ряду Карла Кейзена – особенно физики и химики, но также и политические аналитики, имевшие опыт работы над ядерными вооружениями, в то время начали втягиваться в общенациональную дискуссию о ядерном оружии. Как это ни печально, мы уже забыли о многом из того, чему нас научило то время.

Так, например, все бывшие президентские советники по вопросам науки пришли к выводу о том, что настало время им выйти к обществу, как в индивидуальном качестве, так и группой, и заняться его просвещением по поводу того, каковы реалии гонки ядерных вооружений. Их имена хорошо известны всем присутствующим: Джеймс Конант; Джордж Кистяковский; Джером Виснер; Дональд Хорних; Джек Руина; Ричард Гарвин; Вольфганг Панофски; Сидней Дрелл; Герберт Йорк; Джордж Ретдженс; Пол Доти; Ханс Бете – я назвал лишь немногих. Эти ученые вступали в публичные политические дискуссии с присущей научному миру ответственностью и просвещали Сенат, прессу и страну об особенностях гонки вооружений.

Я акцентирую это потому, что воздействие, оказанное советскими учеными на ученых американских совершенно наэлектризовало нашу политическую жизнь за удивительно короткий период времени. Зачитаю вам отрывок, в котором Сахаров объясняет, почему он написал в 1968 г. эту статью – объясняет самому себе, и к этому стоит прислушаться:

«3 или 4 декабря 1966 г. я нашел в своем почтовом ящике конверт без адреса – там были вложены два листка тонкой почтовой бумаги с новым Обращением.» (Это было очень характерно для «самиздата».) «Подписи не было. Обращение состояло из двух частей. В одной сообщалось об аресте и помещении в психиатрическую больницу художника Кузнецова, составлявшего вместе с другими проект новой Конституции СССР, обеспечивающей, по замыслу его авторов, демократические права и гармоническое развитие общества. Авторы этого проекта, названного ими "Конституция II", хотели в этой форме поднять актуальные проблемы демократизации. В другой», пишет Сахаров, «сообщалось, что 5 декабря, в День Конституции, у памятника Пушкину состоится молчаливая демонстрация в защиту политзаключенных... Я решил пойти... Около памятника стояло кучкой несколько десятков человек... В 6 примерно половина из них сняли шляпы, я тоже, и, как было условлено, молчали (как я потом понял, другая половина были сотрудники КГБ). Надев шляпы, люди еще долго не расходились. Я подошел к памятнику и

громко прочитал надпись на одной из граней основания» (это было очень характерно для Андрея Сахарова, и это замечание относится также к Елене Боннэр – они придают большое значение поэзии):

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Потом я ушел одновременно с большинством.»²

«К началу 1968 года я был внутренне близок к осознанию необходимости для себя выступить с открытым обсуждением основных проблем современности. В предыдущих главах я пытался объяснить, как моя судьба, доступные мне специфические знания, влияние идей открытого общества подвели меня к этому решению. Осознанию личной ответственности способствовали, в особенности, участие в разработке самого страшного оружия, угрожающего существованию человечества, конкретные знания о возможном характере ракетно-термоядерной войны, опыт трудной борьбы за запрещение ядерных испытаний, знание особенностей строя нашей страны. Из литературы, из общения с Игорем Евгеньевичем Таммом (отчасти с некоторыми другими) я узнал об идеях открытого общества, конвергенции и мирового правительства... я увидел в них надежду на преодоление трагического кризиса современности.»³

Так Сахаров обосновывал свои действия. Большинство ученых и интеллектуалов в моей стране хорошо знали о работе Сахарова над водородной бомбой. Статья 1968 г. об интеллектуальной свободе была документом, в котором излагались идеи, близкие ходу мыслей многих ученых и интеллектуалов в США. Я передал сахаровскую статью сенатору Куперу, и мы неоднократно обсуждали ее. Она стала частью наших рассуждений, и сенатор Купер проповедовал ее положения своим коллегам, в том числе Биллу Фулбрайту – только представьте себе его тягучий арканзасский акцент в беседах о Сахарове. Я вспоминаю об этом с огромным удовольствием. Это оказало глубокое воздействие – напрямую способствуя чувству уверенности в том, что обе стороны размышляли об одной и той же опасности и очень хотели найти выход из сложившейся ситуации.

Как раз в то время в здании Сената впервые объявился Георгий Арбатов, директор Института США и Канады. Я присутствовал при его визите к сенатору Куперу –

² А.Д.Сахаров, «Воспоминания». Ч.2. Гл.1.

³ Там же, Гл.2.

первом из множества подобных визитов. В тот период институт Арбатова и Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) оказывали глубокое воздействие на политику. Прямые контакты с советскими официальными лицами и интеллектуалами способствовали просвещению сенатского комитета по иностранным делам и даже комитетов по вооруженным силам обеих палат Конгресса. В то время советское посольство очень активно направляло своих людей в Конгресс для бесед на такого рода темы. В результате, по моим наблюдениям, обе стороны многое узнали друг о друге и, конечно же, о языке, терминах, понятиях и процессах переговоров о контроле над вооружениями.

Договоры о сокращении стратегических вооружений (ОСВ) и по противоракетной обороне (ПРО) были продуктом мышления, отразившегося в сахаровской статье 1968 г. В ней была заложена та мыслительная и логическая структура, которая придавала нашим руководителям уверенность в том, что другая сторона думает о наших соглашениях о контроле над вооружениями точно таким же образом. Это восхитительный пример конвергенции мышления интеллектуалов с обеих сторон, в Москве и в Вашингтоне.

Устойчивые особенности происходивших в политике перемен были очень важными и очень не похожими на то, что происходило на других этапах Холодной войны: возглавляли движение к переменам те, кто ранее придумывал и разрабатывал ядерное оружие, а затем пришел к убеждению, что гонку ядерных вооружений необходимо остановить и обратить вспять во избежание всемирной катастрофы.

Затем по их пути последовали военные, действуя на основе выводов о применимости нынешних и будущих технологических возможностей. Их советники из научной среды убедили их в том, что ни одной из сторон было не достичь технологического превосходства, а это означает поддержание стабильности другими средствами – обычными силами и другими видами оружия.

В конце концов политическое руководство почувствовало себя достаточно уверенным для того, чтобы последовать указаниям ученых и строить новую стабильность на балансе сил, достигнутом дипломатией и убежденностью в том, что представления о стабильности на базе обычных вооружений могут привести к сближению позиций.

Чуть более 20 лет назад, в книге «Иного не дано» под редакцией Юрия Афанасьева появилась ключевая статья Андрея Сахарова «Неизбежность перестройки», в

которой отразилось мышление перестроечной группы, определявшей ход событий в беспокойные годы, предшествовавшие распаду СССР.

В то время я жил в Москве, а потому находился под непосредственным воздействием этих интеллектуальных процессов. Несомненно, Сахаров верил в необходимость радикальных действий для предотвращения крайней опасности, которая, как полагал и он сам, и многие другие склонные к размышлениям лидеры, стояла перед нами. По словам Сахарова,

«Отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете — настоящая необходимость современного этапа мировой истории. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических, социально-экономических и идеологических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества, при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении.»⁴

В статье «Неизбежность перестройки» описывались проблемы, стоявшие перед Советским Союзом. Какое же тяжелое это было время! Все важнейшие проблемы, стоявшие перед СССР, да и перед всем человечеством, обсуждались в открытую, и разрабатывались новые направления развития. Только подумайте, какие это были сюжеты! Чернобыль; гонка вооружений и сокращение вооруженных сил; деградация окружающей среды; озеро Байкал; Аральское море; глобальное потепление; озоновые дыры; Токамак; ядерный синтез; будущее Коммунистической партии; Межрегиональная группа; этнический конфликт в Нагорном Карабахе; сепаратистские движения в Прибалтике и на Украине; взрывной рост числа газет и журналов, выразивших весь спектр взглядов; рок-музыка – «Черный кофе», «Квартет-секрет», «Машина времени» и все прочие рок-группы, которые переживали бум; новые фильмы и книги, совершенно не похожие на прежние; и колоссальный приток иностранцев и новых технологий.

Напомню о блестящей, пророческой работе Татьяны Заславской под названием «Новосибирский доклад», в которой выражалась мысль о том, что новым советским людям больше «так жить нельзя», цитируя название очень важного перестроечного фильма. Однако перестройка была необходима потому, что советский человек имел образование и возможность ездить, как по стране, так и в страны Варшавского блока и достиг такого благосостояния, что сталинские методы насильственного поддержания порядка и репрессии были уже невозможны. И, по

⁴ «Иного не дано», под ред. Юрия Афанасьева. Прогресс, Москва, 1988, с. 134.

словам Заславской, перестройку, гласность и демократизацию необходимо было объявить ради сохранения Советского Союза.

Сахаровская статья 1988 г. о неизбежности перестройки представляла собой детальный анализ состояния советского общества и ситуации в мире и обрисовывала необходимые действия. Хорошо сознавая, что слова заключают в себе смысл, возможности и последствия, особенно слова, произносимые в момент кризиса и опасности, Сахаров предостерегал (цитирую):

«С началом перестройки на поверхность вышли многие острые проблемы, до этого существовавшие подспудно, — социальные, экономические, нравственные, культурные и, к сожалению, национальные. Они стали пробным камнем перестройки — ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Вера людей в перестройку в значительной степени зависит от того, будут ли тут дела соответствовать словам.»⁵

Сахаров, как и вся перестроечная группа, видел, что вызов, по сути, состоял в том, чтобы сформировать новое мышление, как неоднократно повторял Горбачев, и новое общество, основанное на самых высоких человеческих ценностях и на опыте утраченных надежд.

Хорошо помню тот полный напряжения момент, когда Горбачев и Сахаров впервые встретились после возвращения Сахарова из ссылки в Горьком. В феврале 1987 г. я участвовал в Форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», как он был озаглавлен. Вскоре после завершения форума состоялась встреча в Кремле, и я был в небольшой группе, которая общалась с Сахаровым, когда Горбачев подошел к нему, чтобы познакомиться и пообщаться. Это был совершенно необычайный момент: два выдающихся лидера. Две вершины власти, очень разного свойства – власти над миром сознания и власти над политическим миром. Оба вида власти влияли на судьбы мира, и оба знали, что роль каждого из них имеет ключевое значение для решения обсуждавшихся проблем.

Это было нечто вроде *тапо а тапо*, точь в точь как при встрече матадора с быком. Я попытался воплотить силу этого момента и, с вашего позволения, прочитаю вам, как это можно, к примеру, выразить. Я назвал это стихотворение «Михаил Горбачев встречается с Андреем Сахаровым».

Они не встречались ни разу.

Они впервые встали лицом друг к другу,

⁵ «Иного не дано», с. 132.

Глубоко вглядываясь друг другу в глаза
Без страха, без подобострастья, ища –
Ища в сознании друг у друга ответа,
Определенности, доказательств новой формулы власти.

Михаил Горбачев, первый секретарь Партии Власти,
Горбачев протягивает приветственно руку –
Горбачев, абсолютный властелин полумира,
Приветствует своего бывшего узника, Андрея Сахарова,
Который теперь свободен.
Здесь, здесь в глубине кремлевских палат,
Последний в длинной веренице царей и комиссаров,
Вождей славы и трагической, кровавой истории,
Среди древних фресок и слепящих икон
Стоя, не взбираясь на возвышенье, глядя в глаза,
Говорит ровным голосом, так, что всем слышно (и мы таки слышали это):
«Академик Андрей Дмитриевич Сахаров, товарищ,
Давайте открыто работать вместе над переустройством нашего общества.»

Распоряжением Центрального комитета партии
Выдающийся физик Андрей Сахаров, ныне свободный,
Выпущенный из длительной ссылки в Горьком,
Уверенный в себе, сложивший на груди руки,
Снова герой, окруженный почетом,
Стоит прямо, с друзьями в колонном зале
Кроваво-красном, из сусального золота и зеленого малахита,
В Кремле, центре Москвы и Империи.
Сахаров, нашедший ключ,
Чтобы выпустить устрашающую силу творенья, долго бывшую взаперти
Силу для созиданья или испепеленья зеленой земли,
Теперь проповедник разума, мира и справедливости,
Кивает Михаилу Горбачеву с недвусмысленным пониманьем
И с глубоким достоинством раскрывает объятия мысли:
Совместно построить новое уравнение власти.⁶

Это был момент, преисполненный магии. И, как мы знаем, на протяжении ряда лет они работали вместе, споря по ходу дела, стремясь воплотить перестройку, переустройство общества. Сахаров принимал активное участие во всех обсуждениях, которые проходили в Верховном Совете, в Межрегиональной депутатской группе, в которой он был одним из лидеров, а также во всех

⁶ William Green Miller, *A Wreath of Friends*, 3rd edition, The Amate Press, Oxford, 2007, p. 52.

замечательных движениях и в Обществе «Мемориал», которое занимается заполнением белых пятен в истории.

Это было время действия огромных творческих сил, отталкивавшихся от проблем, которые оказывали воздействие не только на Россию, но и на весь мир. Это было время незавершенной великой речи. Возможно, вы помните, как Горбачев сказал Сахарову: «Время истекло! Неужели Вы не уважаете Съезд?» А Сахаров ему в ответ: «Да, уважаю, но я еще больше уважаю страну и народ. Мой мандат выходит за пределы данного Съезда.»

Если вы читали его незаконченную речь, то вы знаете, что она касалась вопроса о власти. Она была напрямую адресована Горбачеву, и в ней говорилось следующее: «Вы – носитель власти в перестройке. Вы несете ответственность, связанную с выбором народа. Вы сказали, что источник всей власти – в советах. Почему Вы сходите с пути демократизации?» Это был тот самый поворотный момент, о котором говорил Билл Таубман. Очень драматичный момент. Вскоре после этого Сахарова не стало.

У нас есть память о нем и его пример. Мы также знаем, что его усилия и личный пример оказали влияние на исход процесса. Он проложил для нас путь. Благодарю за внимание.

Ричард Уилсон:

Большое Вам спасибо. Есть ли вопросы? Слово для замечания Юрию Орлову.

Юрий Орлов:

Я очень положительно отношусь к Горбачеву, но было бы неверно концентрироваться только на нем при рассмотрении перехода от СССР к Российской Федерации и новым независимым государствам. Ельцин сыграл ключевую роль в этом переходе. Ельцин был последовательным сторонником свободы прессы, в отличие от Горбачева.

В 1989 г. Ельцин совершил поездку в США, отметив и публично заявив о том, что «по-видимому, капиталистическая система может быть лучше для населения, чем социалистическая». Насколько мне помнится, Горбачев не представлял себе, что означает перестройка в экономике, что делать с экономикой и он, и в самом деле, ничего с ней не делал.

И еще одно замечание: сразу же после того, как была объявлена гласность, в регионах, особенно в угольных шахтах, но также и в других отраслях были очень быстро, один за другим, созданы стачечные комитеты. Это стало началом очень мощного рабочего движения. Именно к этому движению Сахаров обратился в 1989 г. с призывом ко всеобщей забастовке. Ельцин, если мне не изменяет память, в то время поддержал эту идею. Сахаров и Ельцин сотрудничали между собой как члены Межрегиональной депутатской группы на Съезде народных депутатов.

Что касается гласности, это понятие было введено в обиход диссидентами еще за 20 лет до Горбачева. Слово «гласность» присутствовало почти в каждом значительном документе диссидентского движения.

Антон Бурков:

У меня вопрос к Алексею Панкину. Меня зовут Антон Бурков, и я присутствую здесь как правозащитный адвокат, работающий с неправительственными организациями в Уральском регионе. С 1990-х годов наша НПО плотно работает со средствами массовой информации. Мы создали специальное новостное агентство для подачи правозащитной тематики, и в 90-е годы и в начале этого века у нас это получалось довольно хорошо. При этом мы пользовались несовпадением интересов местных, региональных и федеральных властей. Наши сообщения подхватывались различными газетами и телеканалами.

Но сегодня ситуация совсем иная и очень сложная. Довести нашу тематику до аудитории почти невозможно. Масс-медиа порой публикуют материалы о правах потребителя, но ближе этого к правозащитной теме не подходят. Наши пресс-релизы публикует одна-единственная служба новостей, это каспаровская Точка.Ру, что, конечно же, очень и очень мало.

Каким Вам видится будущее в этой ситуации? Значит ли это, что у нас остается одна надежда на интернет?

Алексей Панкин:

Должен Вам сказать, что по своему основному роду занятий я редактор журнала для руководителей издательского бизнеса, так что у меня очень профессиональный подход к этому вопросу. Поскольку мне неизвестно, какова бизнес-модель Вашей организации, мне трудно сказать, почему СМИ не публикуют Ваши сообщения.

Может быть, им это не интересно, или они полагают, что это не будет интересно их аудитории. Может быть, у них нет денег. Судя по моим наблюдениям за тем, как развиваются наши СМИ, думаю, что в газеты попадает любое сообщение, которое редакция, особенно на местном или региональном уровне, находит потенциально полезным или интересным для ее читателя. Как редакция интерпретирует читательский интерес, это уже другое дело.

В этой связи напомним Вам слова великого русского поэта Пушкина: «Если в России введут свободу слова, первым автором, которого начнут печатать, будет Барков.» Барков был очень популярный порнографический автор своего времени. Думаю, Пушкин был прав. Теперь, когда у нас есть свобода слова, когда СМИ становятся ориентированным на рынок институтом, уровень журнализма и запросы населения к журналистам действительно опустились на крайне низкий уровень. Но это не только в России. Поскольку Вы живете здесь, Вы, возможно, заметили, что даже серьезные газеты становятся все менее и менее серьезными. Боюсь, что это международная тенденция.

Из зала:

У меня всего лишь краткое замечание – я знаю, что уже время ланча. Поскольку Алексей упомянул сборник «Иного не дано», хочу напомнить о том, что в нем была также напечатана очень важная статья выдающегося физика и коллеги Андрея Сахарова, Виталия Гинзбурга, критиковавшая бюрократизацию науки в советский период.⁷

Уильям Миллер:

Хочу ответить на замечание Юрия Орлова о Ельцине и Горбачеве. Как мне помнится, во время моего пребывания там, борьба за власть между ними началась с Межрегиональной группы. МДГ была демократической потребностью для того, чтобы озвучивать взгляды и предложения, которым партия власти противилась или по крайней мере не сочувствовала. Думаю, поворотным пунктом был тот момент, когда Горбачев отключил микрофон Сахарову. Это был такой символический момент – наступило молчание. И Горбачев не слушал. Был заглушен великий, мощный голос разума.

Ельцин подхватил некоторые из идей Сахарова. И думаю, что воздействие Сахарова на Ельцина было благотворным. Оно выявило лучшие свойства Ельцина

⁷ Виталий Гинзбург, «Против бюрократизма, перестраховки и некомпетентности», в сб. «Иного не дано» под ред. Юрия Афанасьева. Прогресс, Москва, 1988, с. 135-153.

и смягчило худшие. Но, конечно же, отключение микрофона Горбачевым было трагическим поступком.

Ричард Уилсон

Хочу прокомментировать с места один из тех сюжетов, с которыми я знаком. В декабре 1991 г. новый руководитель Белоруссии, ядерный физик Станислав Шушкевич, пригласил российского президента Бориса Ельцина и украинского Леонида Кравчука приехать в Минск для создания Содружества независимых государств (СНГ). Это была давняя сахаровская идея о том, что СССР должен распасться, а затем вновь объединиться на добровольной основе. Всего через пару недель после этих событий я разговаривал с Шушкевичем. Он надеялся, что все государства бывшего СССР воссоединятся – чего, разумеется, не произошло. Кажется, единственное, что ему удалось в то время согласовать, было положение о том, что виза, действительная для въезда в любое из государств СНГ, действительна и для въезда во все остальные. Но и это не прижилось.

Мое второе замечание состоит в том, что Билл Миллер несколько уж чересчур оптимистичен, когда говорит, что американские и российские генералы будто бы осознавали проблемы, связанные с ядерной войной. В 1991 г. мы вместе с Биллом побывали в кабинете у генерала Язова. И я очень хорошо помню одно из заявлений генерала Язова (разумеется, в переводе): «Авария в Чернобыле научила тех из нас в российской армии, кто этого еще не знал, что ядерную войну невозможно выиграть, поскольку если не предназначенные для военного использования ядерные материалы наделали столько вреда, ядерная война уничтожит планету.» Из этого я сделал вывод, что многие в российской армии прежде этого не осознавали.

Уильям Миллер

Я очень хорошо помню этот момент, и, в частности, в ходе этой встречи Елена Боннэр разговаривала с генералом Язовым так свысока, как только она на это способна. Но я в большей степени доверяю генералам, отчасти потому, что иного не дано. С военными надо вести себя, как надо. Они – часть нашего общества и нашей жизни.

У меня был очень интересный разговор с главой 43 ракетной армии в Калининской области, на дне пусковой шахты номер 110, если не ошибаюсь. Этот генерал был украинцем. Он, разумеется, занимал высокий ранг в советских ракетных войсках.

Он бывал на Кубе. При нем объявлялась повышенная боеготовность во время Пражской весны. Он сказал мне: «С этим пора кончать. Мы должны избавиться от этого оружия. Правильно говорят ученые. Сахаров был прав.»

Эта беседа происходила на расстоянии 30 метров под землей, перед самой пусковой панелью и в присутствии двух лейтенантов, у каждого из которых было по ключу. Так что генералы тоже кое-что понимают. У них своя очень важная роль и, в данном случае, думаю, что они ее сыграли.